

«ВСТРЕТЬ. НАКОРМИ. УБЕЙ. ПОВТОРИ»

Хопкинс и Slipknot

Грузный рыжий клоун в мешковатом белом комбинезоне присел и выставил палец, показывая fuck. Толпа у его ног взвыла. Казалось, кто-то вонзил электрод в клубок копошащихся червей: тысячи бледных рук взметнулись в одном порыве вверх. Клоун шагнул было навстречу, но его обступили подбежавшие с разных сторон типы в таких же белых комбинезонах. Закружился хоровод жутких рож: кованое лицо со свисающими дредами, противогаз с выбитыми окулярами, морда огромной свиньи, Пиноккио в черной кожаной маске, башка с торчащими наружу длинными гвоздями и еще какие-то уроды. Они подхватили Клоуна и поволокли его в глубину сцены под неистовый рев толпы.

Пронеся над собой брыкающуюся тушу между клеенчатых павильонов, пластиковых туалетных будок и припаркованных автобусов, они добрались до пузатого трейлера и повисли на его коротком трапе, пытаясь разом оказаться внутри. Оттуда доносилось нервное скуление, сменявшееся хриплым лаем, и постукивание царапавших пластиковую обшивку когтей. Открыв наконец дверь и протиснувшись в узкий проход, вся компания с грохотом

повалилась на пол. Давясь от смеха, парни стягивали с потных физиономий резиновые маски и тут же принимались за дожидавшиеся их банки с пивом. Сейчас они были похожи на добравшихся до базы банковских налетчиков, провернувших удачное дело. Плотный стаффордширский терьер в кожаном ошейнике с металлическими шипами метался меж парнями, норовя лизнуть кого-нибудь в лицо.

Клоун обернулся жизнерадостным бородачом, хохотавшим громче других и то и дело хлопавшим по плечу кого-нибудь из своих товарищей. Вдруг он смолк и, приложив палец к губам, обвел всех тревожным взглядом.

– Тш-ш-ш... Слышите? – произнес он, хмурясь, и в наступившей тишине стал различим отдаленный гул зрителей на поле. – Личинки разбушевались...

Гримерка снова взорвалась смехом. Парни принялись что-то наперебой орать друг другу и чокаются банками, заливая все вокруг пеной. Раздался стук в дверь, и они загалдели еще пуще.

– Английские телки пунктуальны, как их гребаная королева!

– На моем Биг-Бене полдень!

– Не стесняйтесь, цыпочки! Здесь всегда открыто!

Дверь отворилась, но вместо фанаток на пороге обнаружился немолодой мужчина, с любопытством осмотревший внутренность трейлера. Раздалось разочарованное нытье.

– Эй, папаша, тебе чего?

– Это группа Slipknot из Айовы, не так ли? – осведомился пришелец, дотрагиваясь до полей своей шляпы.

– В яблочко, мужик, – ответил ему тот, кто еще недавно был Клоуном, и, прищурившись, добавил утробным голосом: – ...в глазное.

Он обернулся к заржавшим приятелям, подставляя ладонь под признательные шлепки за удачную шутку.

– В таком случае я бы хотел получить автограф, – без труда перекрыл шум гость, слегка повысив тон. Он, пригнувшись, шагнул в трейлер и протянул Клоуну компакт-диск с темной обложкой.

Снова воцарилась тишина, в которой кто-то не к месту икнул.

– Срань господня, большая редкость, – сказал Клоун, раскрывая коробочку с диском. – Наш первый альбом.

– «Встреть. Накорми. Убей. Повтори» – моя любимая пластинка, – сказал мужчина, улыбаясь. Он возвел глаза и заговорил, точно усердный ученик, отвечавший урок: Записан и издан группой Slipknot самостоятельно за тридцать тысяч долларов в 1996 году в Де-Мойне, штат Айова, США, – мужчина снова посмотрел на Клоуна. – Прекрасный дебют. Позволю себе заметить, что сейчас вы звучите менее натурально и более предсказуемо. Я бы на вашем месте добавил брутальности и неожиданных ходов.

Примерка наполнилась недовольным ропотом, который Клоун тут же прервал успокаивающим жестом.

– Вообще-то, мы не слишком любим вспоминать старые времена. Да и в группе с тех пор играют всего трое из нынешних девяти, – сказал он, возвращая диск собеседнику. – Так что и подписывать уже некому, профессор.

– Сэр Энтони Хопкинс, с вашего позволения, – представился, не обращая внимания на протянутую ему коробочку, незнакомец и приподнял шляпу.

– Хопкинс... Хопкинс... Знакомое дерьмо... – пробормотал Клоун, задумчиво копаясь в бороде.

– Оставлю вас наедине с вашими воспоминаниями. А мне пока хотелось бы самому угадать, кто тут у вас есть кто, – сказал назвавшийся Хопкинсом и проследовал в центр комнаты, обогнув сидевшую на пути собаку.

– Без масок узнать кого-то из наших непросто, – хмыкнул у него за плечом Клоун.

– Хотите пари? Если угадаю, подпишете мне пластинку и впишете меня на концерт, – предложил Хопкинс, не оборачиваясь.

– А если нет?

– Накормите и убьете. Да, кстати, с вами все ясно, – Хопкинс ткнул поверх своего плеча большим пальцем, указывая на Клоуна за спиной. – Основатель группы, злобный Клоун-барабанщик. – Хопкинс обернулся. – Не так ли, мистер Шон Крэгган?

– Вот дерьмо! Ты что, коп?

– Ну что вы! За милую видно, кто заводила в банде. Выглядите вы постарше остальных, да и... – Хопкинс указал на рукав комбинезона. – Номер шесть...

– Проклятье! Чуваки, прикройте свои номера! – скормандовал Клоун.

Хопкинс прошелся перед музыкантами, пронзая их по очереди взглядом голубых глаз.

– Итак, придется прибегнуть к методу исключения, – провозгласил он. – Кто тут у нас самый коротышка?.. Ага! Эй, парень, да в тебе пять футов есть ли? Не обижайся, Джои. Ты хороший ударник, да еще и номер один как-никак. Небось, удивляешься, зачем в команде еще двое с барабанами. Давай-ка вставай к мистеру Крэгану.

Невысокий бледный парень с длинными черными волосами вопросительно посмотрел на Клоуна, но тот лишь хмуρο мотнул головой, приглашая занять место рядом с собой.

– Та-ак... А вот и два громилы – Мик и Джим, Полено и Персик, парни с гитарами. Кто есть кто? Кто «семь», кто «четыре»? Тут ведь недолго и ошибиться, – продолжал тем временем Хопкинс, глядя снизу вверх на двух патлатых здоровяков.

– Джим, – сказал он, ткнув в одного из них пальцем, – тебе нужно держать спину попрямей, тогда и на фото будешь выше Мика. Отойдите-ка теперь оба, не мешайте.

– Так-так, ну что, Пол – номер два? – сказал он тяжелоатому мулату с добродушной физиономией. – Ты тут, вроде, один у нас левша. Так переложил бы хоть банку в другую руку для маскировки. И послушай профессионала, маска – дрянь. Что это ты еще придумал? «Свинья»! Фу! Мне тут недавно пришлось иметь с ними дело на съемках, то еще удовольствие. Ладно, потом, может, расскажу. Итак, что у нас получается, мистер Крэган? – сказал Хопкинс, хлопнув в ладоши и потирая руки, пока басист вставал в ряд с рассекреченными приятелями.

– Пока пять – четыре в твою пользу, – ответил Клоун с неохотой.

– Уже неплохо! Продолжим. Эй, Крис-третий!

Светловолосый парень с бородкой поднял на Хопкинса голубые глаза.

– Тебе не говорили, что ты вечно теребишь нос? Привык дрочить его на сцене. Смотри, он у тебя и в жизни вытянется на семь дюймов. Размер хороший, но не для носа,

согласись. Выходи! Осталось трое. Для начала уберем того, что помоложе. Не расстраивайся, Сид, – сказал Хопкинс круглолицему коротко стриженному юнцу. – Ноль – еще не пустое множество. Всем отлично известно, что именно ты самый долбанутый. Займи-ка свое место. И остаются у нас «пятерка» и «восьмерка».

Хопкинс остановился, скрестив на груди руки перед двумя ребятами среднего роста.

– Ну, тут не будет проблем. Тебя выдают дреды, Кори. Представляю, как надоело протаскивать их наружу через дырки в маске. А ты отрежь и приклей их сверху, мой тебе совет. Вот увидишь, сможешь еще больше трясти башкой, пока горланишь. Давай, парень, выходи из строя. Ну, и наконец Крэйг – четвертый среди девяти. Признаюсь, ми-

стер, с вами было труднее прочих, – Хопкинс, прищурившись, погрозил пальцем заурядному типу, с беспокойством озирававшемуся по сторонам. – Вы здесь и есть настоящий маньяк. Я всегда знал, что компьютерщики все непросты. Будь остальные ребята в группе тихушниками вроде вас, в жизни бы не догадался, кто есть кто.

Хопкинс повернулся к притихшей команде и, старомодно рисуясь, взмахнул шляпой.

– Вуаля!

– Черт с вами, – проворчал Клоун, вытаскивая обложку диска. – Я подпишу. Дайте кто-нибудь фломастер.

– Хм-м, я бы, конечно, предпочел, чтоб вы сделали это собственной кровью, ну да ладно. А как насчет второго условия?

– Какого? – спросил Клоун, размашисто черкая на обложке.

– Моего присутствия на концерте.

– А-а, – сказал Клоун, возвращая диск. – Приходите, когда захочется, без проблем. Только звякните нашему менеджеру, его зовут Расти, он впишет. Вас пропустят в зону, где не слэмуют. Чтоб костюмчик не помялся.

Компания снова оживилась, раздался смех.

– Нет-нет, вы меня не поняли, – сказал Хопкинс, поднимая руку. – Я бы хотел провести концерт с вами. На

МАСКИ-ШОУ

Идея выступления артистов в масках, разумеется, далеко не нова. Театрализованные представления в Древней Греции, ритуальные танцы коренных жителей Африканского и Американских континентов, японский театр кабуки – любой припомнит эти примеры маскированных представлений, а немного подумав, назовет еще несколько. Современная популярная сцена также не избежала соблазна примерить на своих звезд причудливые личины.

Основной задачей сценического камуфляжа считается убедительное перевоплощение в персонажа. И эта функция для тех музыкантов, которые стремятся максимально театрализовать свои концерты, сохраняется. Хотя она далеко и не единственная: зачастую маски помогают артистам скрывать нечто от зрителей.

сцене. В качестве музыканта. Вообще-то, я немного играю на фортепиано, но это слишком скучно, так что готов заняться чем-нибудь пободрей...

– Чего?!

Начавшееся было веселье прервалось, как по команде.

– Вы обещали вписать меня. Вот и впишите в группу. Все будет в порядке, обещаю. К тому же я... так похож на вас...

Хопкинс на мгновение прикрылся полой плаща, и, когда он снова откинул ее, все невольно вздрогнули от неожиданности.

Нижнюю часть лица Хопкинса обхватывало нечто вроде намордника из толстой кожи, стягивавшегося на затылке широкими ремнями. Отверстие для рта было забрано металлическими прутьями. Поверх маски сияли безумным светом его прозрачные глаза.

– Дерьмо! – воскликнул Клоун. – Я вспомнил тебя! Ты этот... каннибал лектор!

– Ганнибал Лектер, – поправил Хопкинс. Голос его звучал из-за маски приглушенно, что делало его более зловещим. – Но и каннибал, конечно, тоже, – Хопкинс взял Клоуна за подбородок рукой в перчатке. Клоун с омерзением оторвал его пальцы от своей бороды.

Что же они маскируют?

Самый очевидный ответ – недостаточное мастерство владения музыкальными инструментами. Так, члены образовавшейся в 1972 году американской рок-группы Kiss на собственном примере испытали хорошо знакомое тысячам музыкантов серьезнейшее несоответствие низкого уровня собственного исполнительского мастерства желанию поскорее очутиться на сцене. Сколько их коллег из-за этого досадного противоречия сошло с дистанции! Однако Kiss находят решение: они выходят к зрителям в масках, и успех приходит к ним. Это не значит, что маски (или, если угодно русскоязычным читателям, маЗки, поскольку речь все-таки идет о гриме) Джина Симмонса (Demon, Демон), Пола Стенли (Star Child, Звездный Мальчик), Эйса Фрейли (Space Ace, Космический Ас) и Питера Крисса (Cat, Кот) помогли им скрыть стыд за собственную игру, скорее просто привлекли вни-

Хопкинс рассмеялся.

– А вообще-то, я актер, – продолжал он дружелюбным тоном, снимая маску. – Такой же притворщик, как и вы.

– Мы тебе не притворщики! – возразил Клоун. – Мы все в шрамах! Маски – это наши внутренние «я»!

– Да брось! – Хопкинс отмахнулся, сворачивая свой намордник и пряча его во внутренний карман плаща. – Твое внутреннее «ты» – это бывший сварщик из Айовы, желающий подкупить на старость и для того лупящий лбом в титановый барабан. А маску ты надеваешь, потому что боишься, что поклонники-личинки сожрут стейк в твоём холодильнике, трахнут женушку и уведут детишек!

– Да я из тебя сейчас все дерьмо вышибу! – заорал Клоун, бросаясь вперед и повисая на руках упершихся приятелей. Сидевший у его ног пес ощерился, показывая мелкие верхние зубы, и приготовился к прыжку. Его тут же схватили за ошейник.

– Прекрасно! Вот такими вы мне нравитесь! – Хопкинс поднял к потолку лицо, будто наслаждаясь солнечным светом. Постояв так секунду с выражением блаженства, он снова посмотрел на парней и с жаром заговорил:

– К черту рпiвасу и политкорректность, ребята! Давайте играть! Я могу стать еще одним перкуссионистом, как Клоун и чертов Пиноккио. Маска у меня есть, палочки

мание публики. Группа быстро набрала популярность и удерживала ее так же долго, как и маски, вне всякой зависимости от качества производимого музыкального материала.

Эти маски показались, однако, удобными еще и достаточному количеству самозванцев, переодевавшихся в Kiss и дававших то тут, то там многочисленные концерты, лишая заработков законных владельцев бренда. (От подобной самодеятельности, кстати, себя страховал один из коллег Kiss по цеху глэм-рока Элис Купер (урожденный Винсент Деймонд Фурнье), также выступавший загримированным, но, во избежание недоразумений, максимально сохранявший в маске природные черты своего лица.) Злые языки, правда, утверждают, что туры двойников инспирировались самими Kiss с целью собрать тройной урожай проданных билетов на одновременные концерты в разных городах. Достаточных для судебного разбирательства доказательств найти не удалось, од-

куплю. Возьмите меня! Я только что со съемок продолжения этих чертовых «ягнят»! Господи, я пилил себе руку, ел чей-то мозг и меня самого чуть не скормили свиньям. Нервы на пределе! Мне нужно выпустить пар! Только вы способны мне помочь! Я все лето искал встречи с вами. Снимался во Флоренции, а вы катались по Германии. Закончил в Италии шестого июня, а вы приехали одиннадцатого. Три месяца мы снимали в Вашингтоне, Вирджинии и Северной Каролине. Вы тоже вернулись в Америку, но гастролировали по другим штатам. И вот наконец двадцать пятого августа, сразу после последнего «Снято!», я бросаюсь в аэропорт и мчусь за вами сюда, в Англию! На концерт в Лидс я не успел, но зато сегодня – полчаса на электричке с Паддингтонского вокзала, и я здесь, на Ридингском open-air! Подумать только! Мы созданы друг для друга! Давайте же устроим рок-н-ролл!

– Катись отсюда на своей электричке! – взревел Клоун, стараясь вырваться из рук друзей.

– Я вам заплачу, придурки! Мне как раз гонорар на счет упал. Пять лимонов отвалю, как с куста! Пять – за один концерт! Кто вам еще заплатит такой гонорар? По пол-лимона на каждого! Клоуну – целый!

– Пошел ты на хрен! Motherfucker! – клоун уже рычал, упав на колени и раскачиваясь в попытке достать лбом

нако в коммерческих способностях руководителя ансамбля Джина Симмонса сомневаться не приходится.

Как бы там ни было, но идею маскировки в музыкальном мире подхватили, углубили и развили. Теперь вместо настоящих (и, как следствие, абсолютно в исполнительском смысле беспомощных) членов рок-групп под их масками на сцену все чаще выходили специально нанятые менеджментом профессиональные музыканты-статисты – как инструменталисты, так и, в отдельных случаях, вокалисты. Доходило до того, что даже во время записей альбомов в студиях сессионные музыканты были вынуждены истекать потом под толстым слоем грима, чтобы сохранить тайну появления некоторых пластинок.

В скором времени сформировались и целые направления в рок-музыке, представителям которых появляться на сцене без маски было бы просто нелепо. Так, практически для всего стиля

пол. Собаку держали почти на весу, она заливалась лаем и сучила в воздухе передними лапами.

– Валил бы ты отсюда, красавчик! Если выпустим, они тебя порвут! – сообщил кто-то из державших Клоуна.

Хопкинс еще несколько мгновений постоял, тяжело дыша. Глаза его слезились то ли от возбуждения, то ли от обиды. Наконец он нахлобучил свою шляпу.

– Ну и хрен с вами, сосунки! – воскликнул Хопкинс, направляясь к двери. – Сами позовете. А ты, – обратился он к Клоуну, – скоро пожалеешь.

Едва он выскочил наружу, как пес вырвался и, пролетев несколько метров, бухнулся в захлопнувшуюся перед его носом дверь.

– Господи, как же я на хрен вымотался! – громко сказал Шон Крэган, оказавшись в прихожей. Дом ответил ему безразличной тишиной. Шон бросил на пол в коридоре огромную сумку с грязной одеждой, скинул кроссовки и прошел босиком на кухню. На холодильнике магнитная канарейка Твити придерживала листок, исписанный почерком хозяйки дома.

– Подожди, дорогая, – сказал Крэган, достал полулитровую банку пива и замороженный стейк. Он положил мясо в микроволновку и уже после этого уселся с запиской за стол.

black metal маска – краугольный камень философии. Тому была и еще одна причина. Подавляющее большинство музыкантов этого направления – опасные уголовные элементы, преследуемые правосудием разных стран за довольно экзотические преступления вроде канибализма. Блэк-металлисты, бравирова, рассказывают об этом в своих песнях, не забывая... прикрываться масками и кличками.

Тем временем, группа Kiss оценивает новые выгоды собственной замаскированности: в 1980 году из коллектива уходит участник классического состава – барабанщик Питер Крисс. Однако, как и следовало ожидать, это мало что меняет, поскольку, во-первых, он уже давно не записывался с группой, а, во-вторых, маска помогла ему уйти незамеченным. Болезненнее происходило увольнение гитариста Эйса Фрейли. На его место взяли Винни Винсента, однако вскоре выяснилось, что у Винни дикая аллергия

«Шон, не пугайся. Мы на ферме у моих родителей. Дети хотели увидеть козочек и кроликов. Кстати, папу они тоже хотят увидеть. По крайней мере, ЕЩЕ хотят. В этом году у твоей группы были концерты каждый день. Еще пара месяцев гастролей – и дети забудут, как ты выглядишь. Я даже не могу показывать им тебя по телевизору и говорить, что этот клоун – их отец...»

Шон усмехнулся и отхлебнул из банки.

«...Когда вернешься, позвони нам – может, мы сможем провести вместе хотя бы пару дней.

Люблю.

Твоя Шантал».

– Нет, не пару дней, дорогая! Пару месяцев! – воскликнул Крэган, складывая записку. – Два чертовых месяца каникул! Поедем, как ты хотела, на Тахо! И ни одна собака до нас не доберется!..

Шон снова отхлебнул пива и задумался, глядя в окно и оглаживая бороду.

«...трахнут женушку и уведут детишек!..» – вспомнились ему вдруг слова неприятного английского визитера, и плечи его передернуло в ознобе – то ли от холодного пива, то ли от воспоминаний о льдистых глазах Хопкинса.

на грим. К тому же менеджмент с горечью констатировал снижение продаж альбомов, начавшееся после выхода **Unmasked** (1980). После длительного общего совещания было принято непростое и нетривиальное решение – маски снять. Группа выступила с «обнаженными» лицами на MTV и сфотографировалась для обложки альбома **Lick It Up** (1983) без масок. Стоит ли удивляться, что критика тут же обвинила Kiss в желании «выпендриться и хоть чем-то отличаться от прочих средненьких глэм-музыкантов»¹ – одним словом, высказала те же упреки, что и десять лет назад, когда Kiss маски надели. Однако хорошие продажи **Lick It Up** доказали правильность ставки на демаскировку. Увы, то, что Kiss сняли маски, отпугнуло одного из претендентов на участие в коллективе – Кинга Даймонда (King Diamond), поистине бескомпромиссного адепта

¹ *Melody Maker*, №16 (381), 1983.

Звякнула микроволновка, Шон подпрыгнул от неожиданности. Он достал стейк, вывалил его на тарелку и залил кетчупом. Кетчуп был похож на загустевшую кровь.

«...личинки сожрут стейк в твоём холодильнике...»

К горлу внезапно подкатила тошнота, и Шона чуть не вывернуло прямо в тарелку. Он вскочил, уронив стул, и сбросил стейк в мусорный контейнер. Вернувшись к столу, сделал еще несколько жадных глотков.

– Все, Шантал! – сказал он, вытирая губы. – Сейчас же еду к вам!..

Забыв надеть обувь, он прошел через дверь на веранде в гараж и щелкнул выключателем. Свет не загорелся. Он пощелкал еще несколько раз, но с прежним результатом.

– Бесплезно, мистер Крэган, – раздалось из сумрака. Голос был знакомый – глубокий, но с нарушенной дикцией, точно человеку что-то мешало говорить. Ничего не ответив, Шон протянул в сторону руку, пытаясь нашарить длинную рукоять висевшего на стене пожарного топора.

– Не надо, мистер Крэган.

Из-за поблескивавшего в темноте джипа выступила мужская фигура в плаще. Шон мог лишь угадывать ее очертания в неверном свете пробивавшихся в гараж редких солнечных лучиков. Человек включил яркий фонарь.

направления маски-шоу, специально в начале 1983 года приехавшего на прослушивание из Копенгагена в качестве потенциального нового фронтмена.

В скором времени, когда пластинки Kiss снова стали продаваться хуже, они опять надели маски. На этот раз уже навсегда. На одной из пресс-конференций участники группы сообщили об увечивании бренда Kiss – в дальнейшем под их масками будут выступать другие музыканты. И, даже когда никого из членов «золотого состава» команды не останется в живых, Демон, Звездный Мальчик, Космический Ас и Кот продолжат существование.

Несмотря на все потрясения, случившиеся с главными популяризаторами стиля, тенденция маскировки сохраняется и по сей день, хотя и делится на несколько ответвлений.

Первое – это гипертрофированное увлечение гримом и масками, примером которого являются поистине тошнотворные об-

Шон прикрыл глаза рукой. В следующее мгновение фонарь вдруг взмыл в воздух и обрушился на его темя. По лбу сбежал теплый ручеек. Уже падая, Шон успел разглядеть в метнувшемся снопе света кожаный намордник Ганнибала Лектера.

– Алло, сэр Энтони Хопкинс?

– Да, – ответил Хопкинс, устраиваясь поудобнее на шезлонге. Он был в старомодных плавках в синюю полоску, панаме и темных очках. – У аппарата.

– Вы меня не знаете. Я Расти, менеджер Slipknot.

– О! Очень приятно, Расти. Много слышал о вас. Минуточку... – Хопкинс взял со столика высокий бокал, наполненный разноцветным слоистым коктейлем, выбросил трубочку и отхлебнул прямо через край, макнув кончик носа во взбитые сливки. – Слушаю вас.

– Парни обдумали ваше предложение и решили согласиться. Они готовы взять вас на специальный концерт.

– На специальный концерт? Как трогательно. И мистер Крэгган согласен? – с ехидцей переспросил Хопкинс.

– Он... не против... – стараясь скрыть фальшь в своем голосе, менеджер торопливо продолжил. – Дело как раз в нем. У парней перерыв между турне – два месяца, и они подумали: почему бы не устроить внеплановое выступление?..

разы, созданные в разное время группами GWAR и Lordi. Велика опасность серьезных психических расстройств, раздвоения личности. Отдельно в этом плане следует отметить американскую группу Slipknot и постсоветскую «Империю».

Второе – нежелание снимать сценическую маску в жизни (Мерилин Мэнсон). Подобная цельность образа, естественно, серьезно мешает личной жизни такого рода артистов.

Третье – абсолютная засекреченность личностей музыкантов, приводящая к тому, что публика напрочь утрачивает интерес к разрешению загадки, да и к самой музыке этих исполнителей (группа The Residents, участники которой появляются с имитирующими огромные глазные яблоки шарами на головах).

Четвертое, особое, – сублимация желания замаскироваться при помощи пластической хирургии. Примеров довольно много. Среди своего рода курьезных случаев можно назвать Аманду

– Действительно, почему бы не устроить? – поддакнул Хопкинс и помахал шедшей вдоль линии приборя молодой женщине. Та помахала ему в ответ.

– ...А Шон отказался. Он прислал e-mail, где написал, что уезжает с семьей на Тахо, как давно мечтал. И тогда парни вспомнили, что вы предлагали свои услуги. Раз Шон все равно уехал, вы могли бы выступить инкогнито под его номером и в его маске. Конечно, если вы подтверждаете названные вами условия... То есть я имею в виду, что вы были готовы внести пять миллионов долларов за свое участие...

– Четыре. – В голосе Хопкинса звякнул металл. – Без Шона Крэгана четыре миллиона долларов, Расти. И в своей маске.

– По рукам, – тут же согласился менеджер. – Вам нужно оказаться к завтрашнему вечеру в Спрингфилде. Вы успеете?

– Не волнуйтесь, – сказал Хопкинс, глядя поверх темных очков на часы.

– Тогда до встречи. Да! Только деньги привезите наличными, о'кей?

– Все будет как в кино, красавчик, – аккуратные пачки в пластиковом пакете из универсама. Чао, – ответил Хопкинс и, отсоединяясь, задвинул антенну мобильного телефона.

Лир, относительно пола которой(ого) по-прежнему нет ясности. Особняком стоит пример, если так можно выразиться, «обратной пластики» – трансформация физиономий участников The Rolling Stones. Особого успеха в деле наращивания морщин, возрастных складок и желваков добился гитарист этой группы Кейт Ричардс, по слухам, использующий для своей кожи древнюю японскую методику искусственного состаривания древесной коры (бонсаи).

Конечно же, читатель непременно вспомнит и еще один, самый яркий пример сценической маскировки, перешедшей и в реальную жизнь артиста. Речь идет о Майкле Джеконе. Журналисты по сей день не могут успокоиться и продолжают муссировать вопрос, сколько и каких операций пережил МД. Дело тут, однако, куда более запутанное. В данном случае скорее приходится говорить не о корректировке или замене отдельных частей

Затем он поставил опустевший бокал на столик под тростниковым зонтом, опустил спинку шезлонга в нижнее положение и растянулся, прикрыв лицо панамой.

Шон пришел в себя от холода. Тело затекло, а голова трещала. Разомкнув глаза, он обнаружил, что лежит на заднем сиденье собственного джипа. Прямо на него уставилась пустыми глазницами прицепленная резинкой к подголовнику водительского кресла его самая первая клоунская маска, счастливый талисман. Просыпавшийся за окном лес дышал в салон поверх опущенного стекла прохладной сыростью.

Что он тут делал? Охота, рыбалка? Не похоже... Он припомнил, что вернулся домой после гастролей, что прочел записку жены, что собирался поехать за семьей на ферму к тестю с тещей. Дальше был провал.

Крэган сел и посмотрелся в зеркало заднего обзора. Увидев свою замотанную бинтом с пятнами засохшей крови голову, он застонал. В мозгу вспыхнул фонарь напавшего на него в гараже маньяка. Хопкинс! Сволочь! Хотел отомстить за то, что его не пустили на сцену! Натуральный псих, как все англичане. Он за это ответит! Немедленно ехать домой и заявить в полицию.

Шон рывком открыл дверь и выскочил наружу. Тут только он обратил внимание на то, что стоит на холодной

тела, а протезировании, если так можно выразиться, всего существа в целом. То есть о подмене артиста.

Первая «замена» Джексона произошла в конце 70-х годов XX века, когда уже хорошо знакомый публике певец предстал перед ней с частично незнакомой внешностью и не до конца узнаваемым, «сломавшимся» голосом. Вторая – в конце 80-х годов, когда уже и вовсе не имевший ничего общего с настоящим Майклом Джексонном, практически белокожий артист прочно удерживает звание короля поп-музыки, да и всего музыкального бизнеса в целом. В этот период Майкл Джексон уже почти не расстается и с защитной медицинской маской.

Не исключено, что последний образ – образ умершего короля – также всего лишь подставной. Но об этом подробнее в разделе «*Как влипнуть в историю музыки навсегда*».

■

земле в одних трусах и майке. Чертыхаясь, залез на переднее сиденье. Ключей в замке, естественно, не было. Шон с трудом согнулся, чтобы заглянуть под приборную доску и отыскать Те Самые Провода, которые нужно было зачистить и закоротить, чтобы запустить двигатель. К счастью, он видел это не только в кино – в свое время в Де-Мойне они с приятелями еще и не такое вытворляли.

Пока Крэган грелся в заведенной машине, успел сделать несколько не слишком приятных открытий. Во-первых, отсутствовали деньги и документы, во-вторых, отсутствовал мобильник, в-третьих, практически отсутствовал бензин. Похоже, похититель отвез его подальше и бросил в лесу. Добить побоялся, забинтовал рану, да и стекло оставил приоткрытым, чтоб жертва не задохнулась. Судя по тому, что бензобак стоявшей в гараже машины всегда был полон, до дома не меньше тысячи километров. Ничего, он свое возьмет. Шон ощутил, как в предчувствии славной охоты кровь застучала в висках, и рванул в сторону просвета между деревьев. Вильнув на осклизлых листьях у обочины, машина выскочила на шоссе и, стремительно набирая скорость, помчалась на восток.

Шону повезло: прежде чем кончилось горючее, в стороне показалась заправочная станция. Подкатив поближе, он с радостью обнаружил, что никого, кроме заправщика, дремавшего на плетеном стуле под навесом, в этот ранний час на колонке не было.

– Эй, чувак, – деловито начал Шон, выходя из машины. – Мне нужно заправиться в долг и позвонить.

– Больше ничего не нужно? – вяло спросил заправщик, не открывая глаз.

– Я прошу тебя о помощи.

– Да кто ты такой? – заправщик поднял на макушку бейсболку и с удивлением уставился на босого человека в трусах и майке.

– Чувак, у меня до фига бабок, я с тобой расплачусь. Я – рок-звезда, Slipknot знаешь?

– Знаю, – ответил заправщик, снова откидываясь на спинку и надвигая козырек бейсболки на лицо.

Крэган мгновение постоял в нерешительности, затем на цыпочках зашел за угол и оказался в захлавленной

мастерской, где стоял фермерский Шевроле с поднятым капотом. Быстро оглядевшись, он сорвал с гвоздя засаленный синий комбинезон, натянул его и перебежал к своему джипу. Здесь Шон снял с подголовника клоунскую маску и надел ее.

Вернувшись под навес, он ударом ноги выбил стул из-под заправщика. Тот грохнулся оземь и, раскрыв глаза, в ужасе уставился на гостя.

– Мать твою! Клоун!

– Быстро – полный бак и дай мне позвонить! – прорычал Крэган из-под маски.

Пока заправщик, то и дело озираясь, заливал в пустой бак бензин, Шон в конторе спешно набирал номер на допотопном, обмотанном серебристым скотчем, дисковом телефоне, глядя на шоссе.

– Алло! Алло! Да, это Шон! Да ничего страшного. Потом объясню. Позовите Шантал. Шантал?! Да! Я! Я в какой-то заднице в лесу! Какой еще концерт?! Откуда ты это взяла? Ты звонила менеджеру? Какой мейл? О чем я, интересно, мог ему написать? О том, что я собираюсь проветрить на природе пробитую башку? Ничего не понимаю... Я правильно понял: они сегодня вечером выступают на концерте в Спрингфилде, от которого я будто бы отказался? Угу... Все, дорогая, я еду туда! Все! Я тебе перезвоню!

– Спасибо, чувак! – пробегая мимо заправщика, Шон хлопнул его по плечу.

– Эй, мистер Клоун! – подбежал к окну заправщик, когда Шон уже собирался тронуться.

– Что тебе? Я сказал, что расплачусь, – значит, расплачусь.

– Нет-нет! Денег не надо! Распишитесь!.. – заправщик сунул в руку Крэгану толстый красный маркер.

Крэган высунулся в оконный проем и размашисто вывел на белом корпусе бензоколонки:

SLIPKNOT.

Концерт уже подошел к концу. Хопкинс знал это наверняка: музыка смолкла, и никто не начинал новую песню. Он проворно спустился с гигантской стойки с ти-

тановыми барабанами и, выбежав к первой линии мониторов, словно к театральной рампе, чуть было не отвесил по старой привычке изящный поклон, но вовремя замер.

Хопкинс стоял у края сцены, тяжело дыша под кожаной маской, и у его ног бурлил стадион. Аплодирующий театр, огромные афиши с его лицом и тяжесть Оскара в руке – ничто не могло сравниться с этим мигом. Это был лучший день в его жизни. Какая жалость, что он так бы-

стро пролетел. И как хотелось его продлить...

Хопкинс повернулся к зрителям спиной и, одним махом спустив штаны, предъявил спрингфилдскому бейсбольному стадиону свой голый зад.

Публика взревела.

Хопкинс почувствовал сладостное покалывание, пробежавшее по телу от пальцев рук до кончиков ступней. Всем своим актерским нутром он чуял триумф. Такую эйфорию он испытывал лишь в былые годы, когда выходил на вечерний спектакль подшофе. Вихрем налетели воспоминания о его любимых ролях в русских пьесах – Пьере Безухове, дяде Ване, и Хопкинс пустился вприсядку.

Стадион стонал в экстазе. Хопкинс, сложив перед собой руки и высоко вскидывая ноги в сползающих штанах, описывал круги, то проходясь мимо застывших своих партнеров в красных комбинезонах, то возвращаясь к краю сцены.

– Хоп! Хоп! Хоп! Хоп! – выкрикивал он из-под маски, и пот градом катился по его лицу.

Публика неистовствовала.

– Хоп! Хоп! Хоп!..

Вдруг в голове его будто раздался взрыв, и все поплыло перед глазами. Заваливаясь набок, он подумал, что это, должно быть, инфаркт.

– Дышит.

– Шон, ты слишком... – начал было Расти.

– Нормально – ты лучше посмотри, что этот урод сделал со мной.

Группа стояла над распростертым в гримерке телом Хопкинса. Пес обнюхивал его подошвы.

Крэган отошел в сторону и прислонил к стене гитару, с которой выбежал на сцену, чтобы оглушить кривлявшегося Хопкинса. Подойдя к зеркалу, он обнаружил, что так и не снял надетую на бензоколонке маску, – выходит, он не замечал ее на лице всю многочасовую дорогу. Вот так – в настоящем, а не концертном комбинезоне, в старой маске и с кровавыми бинтами на голове – он себе очень нравился.

«Я бы на вашем месте добавил brutality...» – вспомнив слова Хопкинса, Шон вздрогнул и, раздвинув столпившихся парней, вернулся к лежавшему в центре комнаты телу.

– Эй, мистер Хопкинс! – вставший на колени Расти шлепал актера по щекам и, когда тот приоткрыл глаза, продолжал, четко проговаривая слова: Нам все известно. Вы совершили похищение. Все улики против вас. У нас здесь больше десяти свидетелей. Сейчас мы сдадим вас в полицию, и вам не отвертеться. Если не повезет, в этом штате за такое дело можно и смертную казнь схлопотать.

Хопкинс заморгал глазами и издал из-под маски нечто вроде рыка. Менеджер поспешно встал.

– Пойдемте отсюда. Лучше подождем полицию в баре.

– Давайте хотя бы Буча оставим. Пусть стережет, – предложил кто-то.

Услышав свое имя, пес поднял морду с растянутой в подобие улыбки пастью и вываленным розовым языком.

– О'кей! Буч, место!

С явным облегчением музыканты, подталкивая друг друга, поспешили выйти из гримерки.

– С чего вы взяли, что я уехал? – Шон уже поднял маску на макушку и пил пиво, сидя у стойки.

– Старик! От тебя пришел мейл, что ты уезжаешь с семьей на Тахо! А поскольку ты не выносишь этого Хопкинса, мы решили, что сами отыграем с ним концерт, а тебя порадуем неожиданным гонораром!.. – с горячностью принялся объяснять Расти. Крэган смотрел тяжелым взглядом на оживленно артикулировавший рот Расти, в уголках губ которого лопались маленькие пузырьки слюны.

– «Тахо, Тахо». И сдалось оно вам всем... – пробурчал Крэган наконец. – Я даже не знаю, где это...

– Горный курорт на границе Калифорнии и Невады, аэропорт в Рено, – автоматически уточнил Расти и положил руку Шону на плечо. – Ты был бы рад своей доле, когда вернулся.

– Кстати! – сказал Шон. – Что с долей?

– Он должен был отдать после концерта, – сказал Расти, глядя ему в глаза. – Мы с него обязательно стрясем. Ему не отвертеться.

– Как всегда... – Крэган махнул рукой. – Вечно у тебя проблемы с выручкой.

Расти хотел что-то ответить, но тут все они услышали характерный шелест работающих раций и, обернувшись, увидели подходивших к ним двух полицейских.

– Сержант О'Нил и сержант Макдермотт, – представился за обоих один из них. – К делу, господа. Где подзреваемый?

– Это здесь, рядом, – сказал Расти, спеша спуститься с барного табурета.

Когда через минуту они открыли дверь гримерной, то не увидели ничего, кроме нескольких размазанных по полу и стенам пятен крови и распахнутого окна с раскучерченными жалюзи.

Утром следующего дня Расти остановил автомобиль на парковке перед аэропортом. Он отстегивал ремень безопасности, когда зазвонил телефон.

– Алло! Да, Шон. Они запеленговали радиомаяк в ошейнике Буча и шли по сигналу до международного терминала аэропорта, но там след исчез.

Какое-то время он слушал реплики собеседника.

– Нет, Шон. Полицейский утверждает, что мы ничего не сможем доказать. В твоём гараже и в машине никаких чужих отпечатков. Единственная надежда была на ошейник: Хопкинса можно было бы привлечь за жестокое обращение с животными. Но теперь улик нет... – продолжая слушать собеседника, Расти посмотрел на стеклянные параллелепипеды аэропорта.

Трансатлантический авиалайнер готовился к взлету. Парнишка лет пятнадцати, сидевший на среднем месте в ряду, не обращая внимания на демонстрировавших спасательное оборудование стюардов, продолжал мотать головой в ритме ему одному слышимой музыки в наушниках. Почувствовав, что кто-то трогает его за плечо, он обернулся. Ему делал знаки джентльмен, сидевший у окна. Вид у господина был не очень: кисть правой руки плотно забинтована, на лице россыпь маленьких кусочков пластыря. Он казался знакомым, но парень не смотрел целиком ни одного фильма с участием Энтони Хопкинса.

– Не стоит пренебрегать правилами безопасности, – сказал Хопкинс, когда его сосед снял наушники, и демонстративно застегнул свой привязной ремень. Парень не хотя сделал то же самое.

– Вот так, – одобрил Хопкинс. – Уже путешествуешь один?

– Да не, предки сидят там сзади. Я не маленький, чтобы вечно торчать рядом с ними.

– Похвальная самостоятельность.

Самолет тронулся и поехал к взлетной полосе.

– Что слушаешь? – спросил Хопкинс.

– Slipknot.

– Э-э, да ты у нас мэггот! Хорошая команда. Какой альбом?

– Так он у них единственный – Slipknot и называется.
– Нет, не единственный. Есть еще самый первый – «Встреть. Накорми. Убей. Повтори». Уж я-то знаю. Можно послушать?

Мальчик положил один наушник в протянутую руку и заметил на ней совершенно не подходивший к костюму напульсник – дважды обернутый вокруг запястья потерянный кожаный ремень с металлическими шипами.

– А-а, это... – Хопкинс успел перехватить взгляд юного соседа. – Сувенир. От Slipknot, между прочим. Я на них собаку съел.

...Расти посмотрел на себя в зеркало заднего вида и, сморщившись, выдернул волосок из ноздри.

– Нет... Деньги тоже не нашли. Обшарили весь его номер. Наверное, старик хотел надуть нас. Мне тоже очень жаль, Шон. Это моя ошибка. Да, пока.

– Разумеется, Шон, отпечатков не нашли, – бормотал теперь сам себе под нос Расти, перекладывая из темно-зеленого пакета Natgods расфасованные пачками доллары в спортивную сумку. – Разве бы я пошел на такое дело без перчаток? А если б ты помер? Это уже не просто похищение...

Выйдя из машины, он затолкал опустевший пакет в урну.

– И не нужно больше сюда звонить, – добавил Расти, отправляя мобильник вслед за пакетом.

Поправив на плече сумку, он пошагал к терминалу внутренних рейсов.

– Рейс до Рено? – с улыбкой спросила служащая за стойкой регистрации. – Хотите отдохнуть на Тахо?

– Да, столько о нем слышал, – ответил Расти и, пока девушка занималась его билетом, обернулся к стеклянной стене, за которой толстые самолеты подруливали один за другим к взлетной полосе.

